

В. МОЛОТКОВ

ПОДПОЛЬЩИКИ

Поднимая клубы пыли, по дороге, ведущей на Старую Руссу, тянулся обоз беженцев. На телегах, груженных домашним скарбом, тряслись малолетние ребята. Те, что постарше, с недетски серьезными лицами шагали рядом со взрослыми. Устало плелись привязанные к телегам коровы, овцы.

Шли с запекшимися губами и покрасневшими от слез и пыли глазами женщины, еле передвигали ноги старики. Они бросили свои дома, хозяйство и брели неведомо куда, лишь бы подальше от фронта, от врага. Люди молчали, каждый думал о своем и об общем большом горе.

— Мама, далеко еще? — плаксиво спросила девочка лет семи в розовом платице.

— Потерпи, доченька. Потом я тебя на телегу посажу, а Сережа немножко пройдет.

— Эх, и далека же наша путь-дороженька. Идем, а куда — не знаем. Где нас ждут, кто нас приютит, — точно ожидавшая случая заговорить, произнесла высокая седая женщина.

— Должны же его остановить когда-нибудь. Я думаю еще день-два, а потом наши соберутся с силами да так двинут! — подбодрил женщин старик.

В потоке беженцев затерялся и Павел Афанасьевич Васькин, которому было поручено возглавить подпольную работу в Волотовском районе. «Имейте в виду, — сказал в разговоре с ним секретарь Ленинградского обкома Г. Х. Бумагин, — дело, которое вам поручаем,

не менее важно, чем фронт, и, пожалуй, пострашнее, чем идти в атаку».

Дорога на Старую Руссу шла прямо. Васькин свернул на узкий проселок вправо и к вечеру пришел в Должино. В селе было шумно, суетливо. Стоило остановиться на улице двоим, как возле них сразу же собиралась толпа. Люди спорили, решали, как быть. Одни предлагали уходить на Восток, другие советовали оставаться на месте. «Может, немца до села и не допустят. До Волота дойдет — и остановка. На войне всякое бывает. Сказывают, в Старую Руссу войско прибыло». «Уйдешь — зря добро бросишь, а ведь оно потом и кровью нажито». Были и другие разговоры. Кое-кто из бывших кулаков не скрывал своей радости: «Придут немцы — как при Николае жить будем».

Васькина окружили, расспрашивали, откуда и куда идет. Правда ли, что немцы сжигают дома, скот, расстреливают мужчин? Павел отвечал уклончиво. Поэтому интерес к нему быстро пропал. Он заходил то в одну, то в другую избу, спрашивал, не нужно ли починить обувь.

— Э, милый, до обуви ли теперь? Может, и жить-то недолго осталось.

В одном доме спросили:

— Новые сапоги шить умеешь?

— А что ж мудреного.

— Придут немцы, заходи ко мне, на месяц работы хватит. Да ты, приятель, открывай мастерскую, говорят, что немцы это дело поощряют.

— Скоплю деньгу и открою, — серьезно ответил Павел. — Мастеров найму. Капитал соберется — фабрику можно завести.

— Да ты, я вижу, с головой.

— А то как же.

— Смотри, у нас всякие живут. Большинство готовы хоть куда с коммунистами. Так что язык придержи-вай. А то сейчас сапожник, а через час покойник. Понял?

— Как не понять.

— Так заходи, как освободители пожалуют.

— Ты бы мне сказал, кого у вас надо опасаться, а то, неровен час, брякну при них что-нибудь.

— Тоже дело!

Хозяин, понизив голос, назвал фамилии самых активных. Васькин внимательно слушал и запоминал.

— Ночевать будешь у меня, ночлег с собой не носят. В любое время приходи, всегда приючу. Еремеев умеет ценить хороших людей.

Рано утром хозяин и гость позавтракали. Поблагодарив за хлеб-соль, Павел пошел в Верехново. Там он обошел все дома, предлагая свои услуги, и больше обычного задержался у председателя сельсовета Михаила Тимофеевича Тихова. Не спеша прибывая набойки, Павел тихо советовал:

— Знайте, Михаил Тимофеевич, что вам работать будет сложнее, чем другим. Все знают, что вы председатель сельсовета. За вами будут шпионить, нужна исключительная осторожность. Вам нельзя открыто ругать немцев. Надо их хвалить, но так, чтобы вызвать у людей ненависть к захватчикам. Вам народ верит, вас поймут. Наша правда должна дойти до каждого человека. У фашистов огромный пропагандистский аппарат. И наша задача — не позволить фашистам одурманивать советских людей. В районе создано семь патриотических групп, центры их в Сельце, Славитине, Старе, Дерглеце, Речке, Учне, Должине. О существовании групп в других селах подпольщики вашей группы знать не должны. Связь будете держать только со мной и только через Таню Ефремову. Систематически меняйте места встреч и пароль. Никакого шаблона, никакой системы быть не должно. Враг хитер, а мы должны быть хитрее.

Утром Васькин снова отправился в путь. Он побывал еще в нескольких селах, встретился там с руководителями подпольных групп, рассказал о задачах, о том, как их лучше решить.

Дни в хлопотах пролетели быстро. 26 июля 1941 года прогромыхали по дорогам района первые танки с черными крестами. Наступили беспросветные дни фашистской оккупации.

Гитлеровцы шарили по селам, выявляли и арестовывали коммунистов и комсомольцев, беспартийных активистов. Пулей и петлей захватчики пытались запугать народ, сделать его покорным. Специальные фашистские пропагандисты разъезжали по деревням, собирали сходы, рассказывали о скорой победе германской армии, сулили хорошую жизнь после войны. Они

уверяли, что скоро будет взята Москва, а к зиме непобедимые войска фюрера дойдут до Урала.

Однако не успевали пропагандисты уехать из села, как неизвестно откуда на подоконниках, на дверях, на стенах домов, на телеграфных столбах появлялись листовки. В листовках говорилось о том, что Советская Армия усиливает сопротивление, что не видать захватчикам победы, приводился текст сообщений Совинформбюро. Листовки призывали колхозников прятать продовольствие, теплую одежду.

При свете керосиновых ламп, а то и лучины в те дни до дыр зачитывались доставленные через линию фронта номера «Правды» и «Ленинградской правды». Народ, временно подпавший под немецко-фашистское иго, слушал правдивый голос партии, призыв Родины оказывать врагу сопротивление.

* * *

Толстый, обрюзгший начальник райуправы Мановский торопливо поднимался по скрипучей лестнице на второй этаж. На последней ступеньке остановился, перевел дух, вытер пот с дряблого лица, затем несмело постучал в дверь.

Комендант встретил начальника райуправы неприветливо.

— Какие вести, господин Мановский?

— Плохие, господин комендант. Сегодня утром собственноручно снял с двери управы эту листовку.

— А вы, господин Мановский, не задумывались над тем, почему за последнее время листовки появляются подозрительно часто?

— Наверное, красные с самолета сбрасывают.

— Значит, с самолета приклеили листовку и вам на дверь и подложили на кухню нашим солдатам. Вы, Мановский, слишком наивны, если не предположить худшего.

— Я, господин комендант, верой и правдой...

— Мы вам верим. Бывший белогвардейский офицер, находившийся столько лет на службе в нашей разведке, не может снюхаться с красными. Но у вас в управе много бездельников. Ваши полицейские только пьянствуют и жрут, но ни черта не делают.

— Осмелюсь возразить, господин комендант, полицейские стараются, но их мало.

— А кто вам мешает взять столько, сколько надо, чтобы навсегда исключить появление этих бумажек? Содержание полиции ничего не стоит, она находится, как говорят у вас, на подножном корму. Полицейские сами добывают себе еду, самогон, одежду, а патронов у нас достаточно. Поймите, что листовки приносят не меньший вред, чем взрывы на железных дорогах. Ваш начальник полиции — негодный работник.

— Он предан, господин...

— Этого мало, — перебил комендант, — подберите такого, который был бы не только предан, но чтобы так, как мы с вами, ненавидел большевиков.

— Есть у меня на примете один дезертир. Помогал немцам, скрывался от партизан.

— Вот и назначьте его. Создайте в каждом селе группы полицейских, чтобы ни днем, ни ночью ни в одно село не мог проникнуть партизанский лазутчик.

* * *

Староста Егоров собрал на сходку жителей села Должино. Он подробно рассказал о совещании старост у Мановского, потребовал от колхозников следить друг за другом, задерживать всех подозрительных, не жалеть продовольствия и фуража для немецкой армии.

— К ногтю всех коммунистов! — выкрикнул урядник Еремеев.

В зале загалдели. Отбросив в сторону сигарку, со скамейки поднялся рослый широкоплечий парень.

— Господин староста, можно мне сказать? — громко спросил он и, не дождавшись разрешения, начал:

— Хорошо ты, староста, говорил, с азартом. Я и не знал, что ты такой оратор.

Староста довольно улыбнулся.

— Только вот что я никак понять не могу, — продолжал Александр Немков, — из каких нор такие гадюки, как ты и Еремеев, выползли. Кажется, жили вместе, работали в одном колхозе, а не знали, что рядом с нами такие...

— Ты брось свою коммунистическую пропаганду, все знают, что ты партиец.

— Врешь, Егоров. Каждый знает, что я беспартийный. Да и какой из меня коммунист. Но хоть я и беспартийный, а советских людей предавать не буду. Встречу партизана — последний кусок хлеба отдам. И не я один, все так поступят.

— Прекратить пропаганду! Арестую! — побагровев, закричал староста.

— Это правда, а не пропаганда. И запомните, если донесете — вы с Еремеевым на одном суку окажетесь.

Собрание одобрительно встретило выступление Немкова. А через несколько дней вечером в дом к Немкову прибежал Миша Васильев — сын местной учительницы Нины Павловны.

— Александр Иванович, мама просила вас к нам зайти.

В квартире Васильевой был Павел Афанасьевич Васькин, учительница Татьяна Федоровна Ефремова и еще несколько человек.

— Ты что же, Александр, своевольничаешь? Тебе кто поручил выступать на сходке? — строго спросил Васькин.

— Не мог стерпеть, Павел Афанасьевич, ведь он, гад, такое говорил...

— А ты хотел его разagitировать! Тебя же немедленно возьмут под наблюдение.

— Егоров — трус, он не посмеет жаловаться.

— От труса всего можно ожидать. Нужно быть осторожнее. Ваша группа выросла, и теперь не обязательно, чтобы каждый знал руководителя. Это даст возможность в случае провала одного звена сохранить другие. Конспирация должна быть усилена. Связь со мной только через Таню.

Павел Афанасьевич похвалил группу за то, что она собрала оружие, которое уже передано партизанам, а также за то, что добыли радиоприемник, пообещал прислать техника починить его, сказал, что как только приемник начнет работать, можно будет печатать листовки на месте, отпадет необходимость каждую сводку Совинформбюро брать у партизан. Группа получила новое задание — попытаться похитить у немцев оружие со склада.

...В один из вечеров Таня Ефремова дольше обычного разговаривала с часовым. Службу он нес небрежно,

знал, что винтовки лежат в сарае русские, немцам они не нужны, брошены в кучу и охраняются просто так, чтобы не растащили. Польщенный вниманием красивой девушки, часовой не слышал, как чуть хрустнул перержавевший гвоздь. Это Миша Васильев оторвал нижнюю доску в стене сарая, влез в дыру и осторожно, одну за другой начал просовывать наружу винтовки. Мать Миши их принимала и относила в заросли одичавшей вишни, метров за триста от склада.

— Выходи, сынок, на сегодня достаточно.

Миша проворно вынырнул из сарая, приставил на место оторванную доску и садами направился с матерью домой.

Еще несколько раз подпольщики приходили сюда за оружием. Пропажи никто не обнаружил. Васькин переправил винтовки партизанам.

А. И. Немков, учительницы Н. И. Кознина, Т. Ф. Ефремова, Н. П. Васильева, М. Т. Тихови другие члены подпольной группы ловко обманывали врага. В руки фашистов попадали советские газеты, листовки, но найти тех, кто доставлял их через линию фронта, им не удавалось. Оккупанты свирепствовали, хватали каждого подозрительного, пытали, но безрезультатно.

Многое мог бы рассказать староста Егоров, но он пока молчал. Молчал потому, что боялся партизан, и потому, что ему самому неясно было, кто главный, а кто второстепенный в этой опасной борьбе. Вдруг выдашь, да не тех, тогда не только награды не получишь, а еще и на осину угодишь. Он выжидал, вынюхивал, чтоб уж схватить всех одним махом.

Немкова староста ненавидел, готов был зубами вцепиться в горло этому высокому, гордому парню, но при встречах заискивал, лебезил.

— Ты знаешь, Александр, я ведь немцам для народа служу. Откажись я — назначат какого-нибудь живодера, вся деревня плакать будет. Вот мог бы тебя выдать, да не выдал.

— Тебе бы выдали. Ты знаешь, кто я? Не знаешь, так скажу. Но если брякнешь кому — заказывай могилу.

— Что ты, Христос с тобой.

Александр видел, что староста сгорал от любопытства, и не спеша продолжал:

— Ты знаешь, что меня судили за хулиганство, что

из-за этого и в армию не взяли, как неблагонадежного. Вот я и решил: не подхожу к русским, пригожусь немцам. Мне дано секретное задание тайно выявлять недовольных. А кто же со мной разоткровенничается, если я Советскую власть начну ругать? Понял? То-то. А то «арестую», «красная пропаганда». Да так, как ты, разве работают? Ты и впредь продолжай меня ругать, и не обижайся, если я тебе грубостью отвечу, а иногда и стукну. Это надо для общего нашего дела. Понял?

— Кум, родной мой, верить ли! Ох и умница же! Ты уж прости меня.

— Учти, что об этом никто не должен знать. За такие дела и немцы, и русские прикончить могут. Немцам мы будем не нужны, как разоблаченные агенты, а русские уничтожат, как провокаторов.

— Саша, да вот этот камень быстрее скажет, чем я.

— Ладно, уходи.

Староста верил и не верил тому, что слышал. Немкова действительно судили за участие в драке, действительно не взяли в армию. Такой находка для немцев. А может быть, все это хитрость?..

* * *

Организация росла, крепла. Листовки, беседы, газеты, сбор продовольствия и переправка его в лес партизанам, добыча оружия, ближняя разведка — уже не удовлетворяли подпольщиков. Павел Афанасьевич получил разрешение Ленинградского обкома партии вести разведку не только в Волотовском, но и в Дновском, Порховском, Старорусском районах, совершать диверсии.

Правда, и до этого было совершено несколько диверсий. То в одном, то в другом месте неизвестные люди нарушали телефонную связь. Павел Афанасьевич знал, чьих рук это дело. Однажды он отозвал Немкова в сторону и предупредил:

— Неумело работаешь, Александр. На «когтях» забираешься на столбы, рвешь провода кусачками. Каждому ясно, что это делает монтер.

— Понятно, Павел Афанасьевич.

Телефонную связь фашистов продолжали разрушать, но уже по-другому.

Сам Васькин с первых дней оккупации занимался разведкой. Частному предпринимателю, мечтающему о своей сапожной мастерской, оккупационные власти официально разрешили передвижение из села в село, в пределах определенной зоны. Эту возможность он использовал для сбора сведений о расположении фашистских воинских частей, огневых точек, штабов, складов, для встречи с подпольщиками, партизанскими связными. Используя переданные им сведения, в середине августа советская авиация совершила налет на

П. А. Васькин.

штаб немецкого соединения, расположенный в Волоте.

Немцы иногда задерживали бродячего сапожника, проверяли документы, обыскивали, но, кроме молотка, шила, дратвы, железных и деревянных шпилек да подметок от старых ботинок, ничего не находили.

Вести диверсии в крупных масштабах было очень трудно. В районе нет лесов, укрыться негде. После ночной операции нужно было к утру вернуться домой и вместе с другими жителями выходить на работу.

30 декабря 1941 года состоялось заседание подпольного агитационного и разведывательного центра. По предложению П. А. Васькина был утвержден совет организации. Подпольщики решили расширить масштабы разведывательной деятельности, выставить контрольные посты на перекрестках шоссейных дорог, на станциях и разъездах железной дороги, проникать в города и крупные населенные пункты, где расквартированы немецкие части. Н. Козниной дали задание вести агита-

ционную и разведывательную работу на территории Горицкого и Взглядского сельсоветов, А. Немкову поручили заниматься этим же на территории Должинского сельсовета и на станции Морино, А. Иванову — в поселке и на станции Волот.

В Дновском, Порховском и Старорусском районах подпольщики добыли ценные сведения. 5 января 1942 года П. А. Васькин сообщил в штаб партизанской бригады сведения о фашистских гарнизонах Порхова и Дно. В самом Порхове было размещено 3000 солдат и офицеров. По дороге Порхов—Дно происходило большое движение автомашин. Возле слесарных мастерских в Порхове стояли 40 дальнобойных орудий, немцы их ремонтировали. В хороших домах жили фашисты, в деревянных бараках — пленные, среди них свирепствовал тиф. В Дно — в Доме культуры и в прилегающих к нему домах — размещалось свыше 3000 солдат и офицеров врага. В лесу возле станции Дно-3 находилось 14 штабелей боеприпасов. В донесении точно указывалось расположение зенитных батарей, перечислялись ориентиры, по которым можно с самолетов увидеть склады.

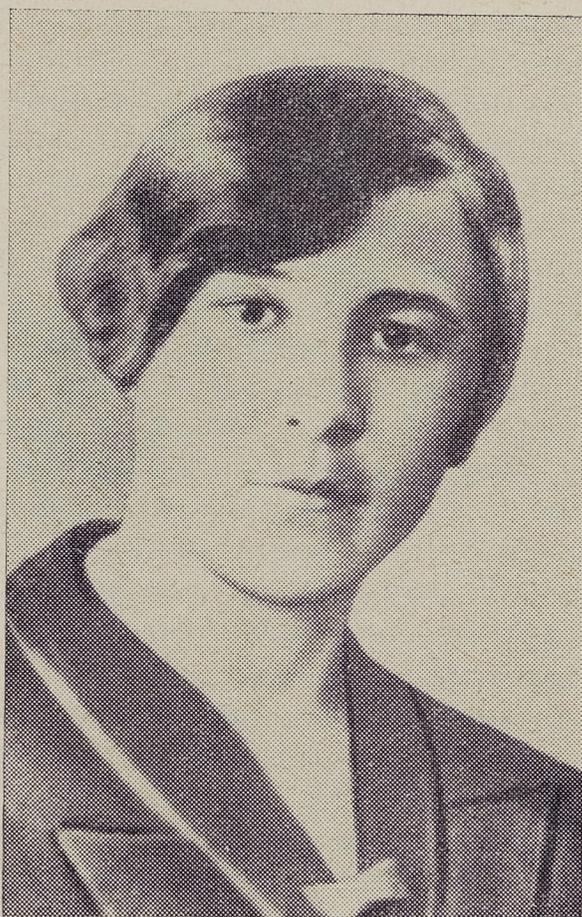
В первой разведывательной сводке сообщались сведения о расположении войск противника в поселке Волот, в деревнях Раглицы, Городцы, Шилова Гора, Горки и других.

Через несколько дней подпольщики получили радостную весть о точных бомбовых ударах нашей авиации, о разгроме партизанами вражеских гарнизонов в отдельных деревнях. Люди почувствовали значение своей работы. Разведка стала вестись еще активнее.

К «сапожнику» то в рваном валенке, то в изношенном ботинке, спрятанные между подошвой и стелькой, поступали записки разведчиков.

Тане Ефремовой, как самой молодой, поручалась дальняя разведка. Чаще всего ее посылали в Порховский район, где до войны она работала учительницей. Там у нее было много знакомых. Много смелости и находчивости проявила девушка, чтобы добыть и доставить ценные сведения. Однажды по пути в Дно ее задержал немецкий патруль. Она сумела убедить вражеских солдат, что идет в город для того, чтобы обменять продукты на шерстяную кофточку. В узелке, который был

у Тани, гитлеровцы увидели двух ошипанных куриц, отобрали их, а девушка благополучно добралась до Дно. Она ходила по улицам, все высматривая и запоминая. На улицах Коммунистической, Коминтерна, Крестьянской и Бульварной между домами стояли тщательно замаскированные автомашины. Каждая улица была прекрасной мишенью для самолетов. Вдоль шоссейной дороги от Дно-3 до деревни Филипково вытянулся длинный склад авиабомб и снарядов. Штабеля сверху прикрыты еловыми ветками. Второй склад бомб и снарядов из 14 штабелей

Т. Ф. Ефремова.

Таня обнаружила между Дно-3 и деревней Суки. В саду на краю деревни Скугры разведчица «засекла» 100 автомашин и 10 бронетранспортеров.

Когда Таня вернулась домой, она подробно написала о том, что видела, аккуратно свернула листки с записями, спрятала их в пышную прическу и направилась в Верехново к Тихову. Тот должен был передать разведданные Васькину.

Вскоре советская авиация совершила налет на Дно. Содрогалась земля от мощных взрывов. Одновременно партизаны нанесли несколько неожиданных ударов по вражеским гарнизонам и комендатурам.

Немцы понимали, что точный выход советских самолетов на цели, удачные операции партизан направляются чьей-то опытной рукой, догадывались, что у них в тылу действует тщательно законспирированная организация.

По приказу гитлеровского командования полицаи,

переодетые под пленных, подкупленные уголовники шныряли по деревням, пытаясь выявить сочувствующих партизанам. Но агентура врага не находила поддержки среди населения. Земля горела под ногами захватчиков. Взрывы на железной дороге, смелые налеты партизан, диверсии в безлесном районе поражали фашистов. Много казалось им загадочным и удивительным. Однажды группа гитлеровцев на двух подводах везла награбленное продовольствие. Никто не слышал выстрелов. Но солдаты как сквозь землю провалились. Остался лишь уходящий в поле след от саней.

Мановский и вновь назначенный начальник полиции из кожи вон лезли, чтобы выявить подпольщиков. Сбилась с ног и тайная полиция. Комендант доносил своему начальству, что организацию, по всей вероятности, возглавляет опытный большевик с дореволюционным стажем и, возможно, генерал. А на самом деле душой организации был двадцативосьмилетний русский парень, воспитанник детского дома, скромный работник Солецкой районной сберкассы.

Хватали всех подозрительных. Однажды немцы привели в деревню арестованного подростка в куртке ремесленника с блестящими пуговицами. Паренок был избит. На голове слиплись от крови волосы. Немцы собрали жителей села. На ломаном русском языке фашист спрашивал:

— Кто знает этого человека, пусть выйдет вперед. Он будет награжден коровой и лошадью.

Таня всмотрелась в лицо паренька, побледнела и чуть не упала. Уж очень он походил на связного, которого ночью встречала за деревней и у которого забирала газеты и листовки.

Люди молчали. Они не знали пленника. Немец продолжал уговаривать, угрожал, обещал награды. Убедившись, что ни угрозами, ни посулами ничего не добьется, фашистский офицер объявил:

— Сейчас мы этого бандита заставим говорить.

По его сигналу два здоровенных солдата набросились на паренька, повалили на землю, стали бить сапогами. Потом привели лошадь. Парню, который упорно молчал, связали ноги веревкой и второй конец привязали к лошадиному хвосту. Один из солдат неуклюже взобрался на лошадь, подстегнул ее и поехал по дерев-

не. Ударяясь головой о кочки, за лошадью вверх ногами волочился человек. Таня не могла больше смотреть, хотела уйти, но ни ее, ни других не пустили.

Дважды протащили подростка из одного конца деревни в другой. Когда развязали, он был мертв. Хоронить не разрешали три дня.

— Все должны видеть, какая участь ждет каждого, кто сопротивляется немецкой армии, — сказал фашистский офицер.

При очередной встрече Таня рассказала о гибели паренька-партизана Васькину.

— Знаю, Танюша, все знаю. Придет время, и они за все ответят, — ответил Павел.

Комендант запросил помощи для борьбы с подпольщиками. В Волот срочно прислали отряд особого назначения, опытных контрразведчиков. Они организовали круглосуточную слежку за подозреваемыми людьми. Предатели Егоров и Еремеев шпионили за А. И. Немковым. Дежурили у дверей его дома, пробирались даже в коридор, часами подслушивали у окон. Немков был для них, как кость в горле. Они знали, что не обретут покоя, пока не избавятся от подозрительных.

Но и подпольщики стали действовать осторожнее. Васькин все реже и реже приходил в Должино. Днем ни к кому из подпольщиков в дом не заходил.

Вечером Васькин зашел к Нине Павловне Васильевой.

— Нина Павловна, пошлите Мишу за Таней и Немковым.

Миша, не дождавшись разрешения матери, бросился к двери, на ходу надевая шапку.

— Постой, не спеши. Предупреди, чтобы пришли попозднее, их не должны видеть на улице.

Когда Миша ушел, Павел предложил:

— Не лучше ли, Нина Павловна, переправить Мишу к партизанам? Там надежнее, и вам спокойнее.

— Что вы, Павел Афанасьевич, без Миши как без рук. Он у нас куда хочешь проберется, между ног у полицаев прошмыгнет.

— Хороший мальчишка, смелый, сообразительный, — согласился Васькин.

— Весь в отца, — с гордостью рассказывала Нина Павловна. — Обвяжется гранатами, наденет сумку и идет будто нищий. Староста доволен, радуется: «Вот и хоро-

шо, что учительшин сынок побираться пошел, так и надо им, активистам. Избаловала их Советская власть».

— Да и вам, Нина Павловна, смелости не занимать,— заметил Павел Афанасьевич.

— Какая у меня смелость. Иду иногда с листовками, а сама боюсь: остановят немцы, обыщут. А Миша находчивый. Однажды идет, под пальтишком четыре нагана подвешены. Торба через плечо, в ней несколько картофелин. Навстречу два полицейских на лошадях. Миша видит, что один уже готов остановить его, опередил полицейского:

«Дяденька, отдай лошадь, ведь это наша!»

«Чья это ваша?» — опешил полицейский.

«Да, наша, у нее и белое пятнышко на лбу, что ж, я своего коня не знаю?» — вцепился в уздечку Миша.

«Вот еще хозяин сыскался», — полицейский хлестнул Мишу плеткой по плечу и заспешил со своим напарником восвояси.

А Миша как ни в чем не бывало принес оружие домой. Был и такой случай. Ходили они с Таней листовки клеить. Таня и предложи: «Давай, Миша, приклеим листовку к дому старосты». — «Нет, Татьяна Федоровна, я ему листовку в руки дам». — «Да как же ты ему дашь, он тебя схватит, и в полицию!» — «А вот и не схватит». Не успела Таня его остановить, как он уже стучит в окно старосты. «Что такое?» — высунулся в форточку заспанный Егоров. «Возле вашего дома какая-то бумажка валяется, может дельная», — ответил Миша. «А ну давай ее сюда». Староста прочел, выругался, строго спросил: «Читал?» — «Да как же я прочитаю в темноте». — «Ну ладно ступай домой, да помалкивай...»

Ночью без стука в дом Нины Павловны пришли Немков и Таня. Павел Афанасьевич сообщил радостную весть:

— Наши войска перешли в наступление и громят фашистов. Немцы это скрывают. У меня есть несколько листовок. Размножьте их, сделайте так, чтобы в селе все знали о близкой победе. Только будьте осторожны.

— Павел Афанасьевич, немцы почему-то решили открыть школы, как быть?

— Вам, учителям, обязательно надо прийти в школу. Пригласите на первый урок старосту. Он будет доволен. Но сделайте так, чтобы ни один ребенок в школу не

пришел. Нам известно от Александра Иванова, который был на совещании учителей у Мановского, что райуправа хочет от ребят узнавать настроение взрослых, кто из чужих ходит в деревню. Короче говоря, хотят превратить школы в шпионские точки. Выпустите листовки, расскажите об этом колхозникам.

...Староста с радостью принял приглашение прийти на первый урок в школу. Ему льстило, что учителя видят в нем представителя новой власти. Он принарядился, расчесал давно не стриженные волосы, надел новый полушубок и, сам не зная зачем, подпоясался солдатским ремнем. В школе его приветливо встретили учителя, усадили на почетное место и стали расспрашивать, как дела на фронте, скоро ли наступит окончательная победа.

— Две-три недели осталось, а потом крышка коммунистам по всей расейской земле, — разглагольствовал Егоров.

Пришло время начинать урок, но в школе было пусто. Не пришел ни один ученик.

— А вы оповестили детей? — забеспокоился Егоров.

— Как же, господин староста. Лично все учителя побывали в домах у крестьян.

Прошел час, другой, староста как ошпаренный выбежал на улицу.

— Анна, почему твоя Машка в школу не пришла? — набросился он на первую попавшуюся колхозницу.

— Обуви нет, господин староста.

— Что-то быстро у вас обувь развалилась!

— Так в продаже-то нет. Бывало, пойдешь в сельпо, купишь, а теперь куда пойдешь?

— Голодранцы проклятые! — выругался староста и поплелся домой.

На следующий день невеселым ехал он на доклад к Мановскому. В Волоте повстречал старост из других сел. Те рассказали, что и у них в школах занятия не состоялись.

Мановский, выслушав доклады, вышел из себя:

— Господа, вы или предатели, или бездельники. Надо было каждому из вас лично обойти дома крестьян и под расписку объявить распоряжение об обязательном посещении детьми школ. Что же прикажете мне доложить господину коменданту?

Комендант отлично понимал, почему провалилась идея открытия школ. Случись это в одном селе, можно было бы счесть за случайность, но ведь такое произошло во всем районе. Без сомнения, в районе действует подпольная организация большевиков. Но где она, как обнаружить ее, он не знал.

Егоров и Еремеев жили в страхе. Они боялись всех жителей села, а больше всего Немкова. Не верили, что Немков выполняет тайные задания немцев. Сговорившись, они решили рассказать обо всем Мановскому.

Начальник райуправы обругал Егорова и Еремеева за то, что они сразу не доложили ему о Немкове, и приказал немедленно арестовать его.

Вечером в село прибыла группа полицейских во главе с начальником полиции. Староста встретил гостей радушно. Он щедро угощал их самогоном, на закуску подал соленые огурцы, капусту и тушеное мясо. Выпив для храбрости, группа предателей во главе с начальником полиции, в сопровождении Егорова и Еремеева, тихо подобралась к дому Немкова. Они осторожно, по кошачьи прошли по коридору, распахнули дверь. Александр Иванович в это время топил печку. Спихватился, когда на него уже набросилась свора полицейских. Сопrotивлялся по-богатырски: отбивался кулаками, отшвыривал от себя то одного, то другого, но силы были неравны. Немкова связали, уже связанного по рукам и ногам, зверски избили, притащили в дом старосты, а утром доставили в Волот. Комендант приказал выжать из арестованного все.

Двое суток пытали фашисты мужественного патриота, резали кожу, жгли каленым железом, выгоняли раздетым на мороз. Но ничто не сломило воли героя.

Комендант прикинулся лисой:

— Такой молодой, сильный, мог бы прожить сто лет. Ты любишь жизнь?

— Люблю, за это и погибаю!

— Коммунист?

— Жалею, что нет.

— Ты человек умный. А мы ценим умных людей. Назови, с кем связан, и мы тебе даруем жизнь. У тебя будет все: деньги, вино, женщины. Скажи только, кто размножал и расклеивал листовки, передавал партизанам секретные данные о наших войсках, кто устраивал

диверсии, и мы тебя отпустим. Ни одна душа не узнает о том, что ты нам скажешь. Тебя немножко били. Это хорошо, ты вернешься героем, тебя никто ни в чем не упрекнет.

— Я ничего не знаю. А если бы и знал, то ничего бы не сказал.

Александра Ивановича снова и снова истязали. А потом раздетого и разутого вывели на заснеженную улицу. Он шел медленно, тяжело переставляя ноги.

— Быстрее! — кричал начальник полиции.

— Не ори, скотина, мне спешить некуда.

Перешли железную дорогу, вышли в поле. Александра Ивановича отвели от дороги, приказали остановиться. Босой, он стоял по колени в снегу и с презрением смотрел на своих палачей.

— Скажи правду, и будешь жить, — в последний раз предложил начальник полиции.

— Стреляйте, сволочи! Правду вам скажет Красная Армия, страшная будет для вас эта правда!

В морозном воздухе раздались выстрелы. Палачи стреляли почти в упор. Пять пуль прошли могучее тело богатыря, а он продолжал стоять. Казалось, что ноги его вросли в родную землю, что пули не берут героя. Подскочил начальник полиции, выстрелил из пистолета. Немков пошатнулся и рухнул на алый от крови снег.

Александра Ивановича Немкова — одного из отважных подпольщиков — не стало. Но организация продолжала действовать. В ответ на его гибель еще чаще стали раздаваться взрывы в тылу врага, активизировались действия партизан.

Лишь подлое предательство навело тайную полицию гитлеровцев на подпольную организацию. В конце января и начале февраля 1942 года фашисты схватили Н. П. Васильеву, ее сына Мишу, Т. Ф. Ефремову, Н. И. Кознину, А. И. Иванова, М. Т. Тихова, И. Р. Руфкина, А. К. Занину, М. А. Алексеева, В. С. Еремеева, Е. А. Калинин. После жестоких пыток их казнили.

Очевидцы казни рассказывают о необыкновенном мужестве патриотов, об их презрении к смерти и ненависти к врагам. Геройски вела себя молодая учительница Таня Ефремова. Ее пытали больше других, но она не только никого не выдала, а даже находила в себе силы поддерживать бодрость духа у своих товарищей.

Мужественно вели себя и другие, в том числе пионер Миша Васильев. Нина Павловна попросила расстрелять ее первой, чтобы не видеть смерти сына.

— Зачем же лишать мать удовольствия видеть предсмертные конвульсии своего выродка, — зло ответил палач.

— Не проси их, мама, ни о чем. Это же не люди. Придет Красная Армия, и она не пощадит палачей.

Фашисты застрелили мальчика первым.

В этот февральский день гитлеровцы расстреляли 23 подпольщика. А на второй день крупный отряд карателей двинулся на партизан. Но Павел Афанасьевич Васькин и оставшиеся в живых его друзья своевременно оповестили народных мстителей о карательной экспедиции. Партизаны подготовились к бою и возле села Яски разгромили карателей. На поле боя осталось около 400 трупов фашистов.

Это была народная месть за гибель лучших сынов и дочерей Родины.

Павел Афанасьевич избежал ареста. Он продолжал борьбу с врагом. С несколькими товарищами он прибыл в деревню Красные Горки для сбора продовольствия осажденному Ленинграду. Случайно в деревню после неудачной карательной операции ворвались фашисты. Завязался неравный бой. В этом бою Павел Афанасьевич пал смертью героя.

* * *

Недолго просуществовала Волотовская подпольная организация. Но она немало сделала для победы над врагом.

Народ чтит память героев. Об их подвигах рассказывают отцы и матери своим детям, деды внукам, на их примере учат любить свою Родину.

Недавно Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены посмертно орденами и медалями наиболее отличившиеся члены Волотовской подпольной организации — П. А. Васькин, А. И. Немков, Н. И. Козина, Т. Ф. Ефремова, М. Т. Тихов, Н. П. Васильева, М. А. Васильев.

Память о героях будет жить вечно!